

Желтый, поглаживая подбородок Шао Ицяня, вызвал у того глубокое отвращение. Он мгновенно выбросил из головы наставления «не шали по стороне». Опустив взгляд на парня, он вызвал его язвительным тоном:

— Ну и ты такой...

Не успел Желтый дожидаться продолжения, как тот резко ударил ногой по подлокотнику вращающегося кресла. Желтому сегодня явно не везло: одно из трех колес было сломано. От удара оно отлетело, и кресло вместе с Желтым опрокинулось назад, устроив настоящую свалку.

Бедняга Желтый даже не ожидал подвоха в собственном логове. Он разразился громкой бранью, и тут... на него свалилась миска вчерашней лапши.

Сун Баобао застыл в оцепенении, пробормотав:

— Мама дорогая...

Шао Ицянь швырнул пустую миску и потянул его за рукав:

— Какая мама! Твои ноги для красоты, что ли?!

Подпольное интернет-кафе было тесным, компьютеров в нем хватало. Кроме узкого прохода у лестницы, больше нигде было развернуться. Остальные подручные Желтого застряли за столами, а некоторые уже взобрались на них, пытаясь пройти «воздушным путем». Сам Желтый, придавленный креслом, перекрывал путь к выходу.

Шао Ицянь перепрыгнул через кресло, добежал до лестницы и, скользя по перилам, спустился вниз, по дороге сбивая с ног всех, кто пытался подняться. Его действия были четкими и решительными, без лишней паузы, словно он репетировал это много раз.

Нельзя не упомянуть, что в начальной школе Шао Ицянь считался мастером драк. Он был смелым и не боялся никого, ввязывался в любые конфликты, даже если противник был сильнее. Причина была проста: ему было скучно играть в одиночестве. Однажды он даже поймал змею и воробья, чтобы посмотреть, как они будут сражаться.

Поэтому для Шао Ицяня такие мелочи и люди, как Желтый, были сущим пустяком.

Весь интернет-кафе превратился в хаос, все спутались в единую кучу.

Шао Ицянь, который задира и тут же убегал, не разбираясь с последствиями, вызывал у Сун Баобао глубокое презрение.

Ругающийся Сун Баобао выбежал вслед за Шао Ицянем, запыхавшись:

— Ты что, на перце вырос? Надо было спокойно поговорить! Это же отбросы, ты на рожон полез...

И тут он замер, увидев, как Шао Ицянь достал из штанов черный кошелек. Голос его сам собой оборвался.

Виновник происшествия, размахивая кошельком, самодовольно заявил:

— С завтрашнего дня перец будет моей фамилией, ты разве не знал?

После быстрого бега его губы стали ярко-красными, а уголки глаз, похожих на персиковые цветы, заиграли изящными линиями, делая его невероятно красивым. Он выглядел совсем не так, как тот задиристый парень, что был минуту назад.

Сун Баобао, который до этого считал, что Шао Ицзяня оклеветали, теперь понял, что тот действительно заслужил свою репутацию. Он никогда не видел, чтобы вор вел себя так нагло. Эта провокация заставила его замереть на месте, а при виде такого красивого парня он начал заикаться:

— Я... я хочу расторгнуть наши учительско-ученические отношения...

Сказать было уже поздно, и двое, связанные общей судьбой, обменялись обещаниями, создав временный союз. Они договорились, что в случае мести Желтого будут держаться вместе, а если что, то «жить вместе, умереть первым будешь ты».

Когда они вернулись в школу, первоклассники выстроились в очередь. Нет, кажется, они ждали прививки. Янь Янь стоял в первом ряду. Он был маленького роста, медленно рос, и в синем спортивном костюме выглядел очень послушным.

Он склонил голову, играя с чем-то в руках.

Шао Ицзянь подошел ближе и, не удержавшись, дернул его за косичку, заметив, что тот обматывает проволоку вокруг пальцев.

Палец Янь Яня тут же покраснел — он так увлекся, что, испугавшись внезапного нападения, сам уколол себя.

Иногда этот малыш был очень сообразительным, а иногда — до смешного наивным. Например, сейчас, когда его палец кровоточил, он просто стоял, смотрел на Шао Ицзяня и, хмуря брови, сказал:

— Сегодня я помог трем ребятам списать домашку, и учитель заметил... Ой, кровь.

Шао Ицзянь почувствовал гордость, будто младший брат, которого обидели в школе, ищет защиты у старшего. Однако он не собирался предпринимать дальнейших действий. Он наклонился, вытащил проволоку и наставительно сказал:

— В следующий раз, если кто-то попросит тебя списать, скажи, что у тебя есть брат Шао Ицзянь, который учится в третьем классе.

Янь Янь серьезно кивнул, прижимая руку, и пошел в класс, приговаривая:

— Уга! У меня есть брат Шао Ицзянь, а у Шао Ицзяня есть дядя Янь Янь.

Шао Ицзянь:

— ...

— Где ты пропадал полдня? — подбежал Чэнь Мэн, держа в руках конверт неприятного зеленого цвета.

— Сяо Цзин сбежал из школы.

Чэнь Мэн не смог скрыть досады:

— Из всего класса он оставил записку только тебе, а нам — ничего.

Шао Ицянь безразлично ответил:

— Потому что вы уродливые.

Чэнь Мэн:

— ...

Автор записки использовал яркие и кричащие цвета, старательно выведя несколько строк корявым детским почерком:

«Братец Свисток, я ухожу, не ищи меня. Скажи родителям, чтобы они не искали, иначе я умру на их глазах. Я птица, стремящаяся в джунгли, не желающая сидеть в клетке; я рыба на мели, жаждущая новой жизни; я альпинист, покоряющий вершину, чтобы встретить рассвет. Ли Сиси. Последняя воля».

В конце был поставлен яркий отпечаток губ.

Чэнь Мэн продолжил кислым тоном:

— С таким уровнем это могло бы стать образцом для школьного сочинения. Оцените использование риторических приемов: параллелизм, метафора, и без ошибок.

Однако Шао Ицянь не ценил таких тонкостей.

Современные драмы портят детей, заставляя их то и дело сбегать из дома и писать «последние слова». Но Шао Ицянь был уверен, что Ли Сиси не уйдет далеко — просто потому, что в неизвестном мире может не найтись готовой помады.

Эту шутку про помаду и чулки он будет помнить сто лет.

— Шао Ицянь! Учительница английского и классный руководитель ждут тебя!

Кто-то крикнул из окна.

Школа была скромной, учителей не хватало, и кабинет использовался и как офис, и как жилье.

Шао Ицянь сунул записку в карман и, небрежно крикнув «Докладываю!», вошел в кабинет, не дожидаясь разрешения.

Кстати, Шао Ицянь был завсегдаем кабинета. Он с закрытыми глазами мог сказать, сколько фотографий стоит на столе, сколько сухих цветов в вазе на подоконнике, и даже определить, когда в последний раз зажигали антимоскитную спираль.

Учительница английского, похожая на куклу, сидела на краю кровати. Ее взгляд, будь он материальным, мог бы пронзить Шао Ицяня насквозь, как сито для просеивания зерна.

Директор, он же классный руководитель, стоял рядом с коробкой салфеток, как слуга. В наше время учителя, готовые работать в деревне, редки, а уж учителя английского — и подавно.

Бабушка Шао сидела за столом, ее лицо было мрачным, морщины у глаз опустились, и даже двойной подбородок выступил от гнева.

Шао Ицянь едва не упал на колени, чуть не воскликнув:

— Ваше Величество!

<http://bllate.org/book/16843/1549597>